

жет быть только историей диалектных ареалов, т. е. основываться на лингвистической географии.

Вследствие случайностей истории лингвистика в целом развивалась в следующем порядке: диахрония, диагония, структурализм — и отрывалась от самых древних из засвидетельствованных языков, таких, как санскрит, к современным. Мы предлагаем план, основанный на обратной последовательности, которая представляется нам, совершенно очевидно, разумной последовательностью. Мы полагаем, что добрая половина лингвистических фактов ускользнула от внимания представителей атомизма, которые сводили язык к коллекции отдельных его элементов, не считаясь, за исключением разве косвенных и случайных показаний, с их интеграцией в системе. Сейчас предстоит собрать второй урожай. Это — дело многих поколений.

Когда я был еще молодым студентом, мне казалось, будто на поле германского языковедения остается подобрать лишь несколько оставшихся колосьев. Мне хотелось бы предостеречь молодых германистов от этого заблуждения.

Перевел с французского

В. М. Жирмунский

Л. АНДРЕЙЧИН

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА*

Взаимные связи болгарского и русского языков установились с давнего времени. Они имеют почти тысячелетнюю историю и плодотворны для обоих братских языков. Роль староболгарского языка в обогащении русского литературного языка обстоятельно освещена в трудах таких известных русских ученых, как А. А. Шахматов, В. В. Виноградов и др. Вопрос о роли русского языка в формировании новоболгарского книжного языка на протяжении прошлого века еще не был у нас предметом детального исследования. Попутно он неоднократно затрагивался во многих статьях и работах, но специально рассмотрен лишь в нескольких статьях¹. Процесс, о котором идет речь, сложен. Влияние русского языка очень разносторонне, оно переплетается и с влиянием церковнославянского языка, в результате чего во многих случаях очень трудно определить, где кончается одно и начинается другое. Нашим литературным языком было воспринято множество книжных слов и терминов, состоящих из понятий каждому болгарину элементов; при этом они не ощущались как чуждые слова, ср. например *усердие*, *постоянен*, *сложен*, *сказка*, *переработка*, *стыжание*, *уважавам*, *заявляю*, *принадлежат*, *отчуждавам* и мн. др. Интересны мысли автора первого учебника по физике Н. Герова, который говорил в предисловии к учебнику, что, пытаясь преодолеть трудности в терминологии, он воспользовался русскими терминами, которые «годились и для болгарского»². Действительно, в русском языке имеется много таких слов, которые «годились бы и для болгарского»; в связи с этим современный болгарский литературный язык смог в значительной степени воспользоваться помощью русского языка в период своего формирования и достиг высокой степени развития при достаточно неблагоприятных условиях прошлого века. (Разумеется, это лишь основное условие. В действительности не всякое заимствованное из русского языка слово содержит основу, ясную с точки зрения современного болгарского языка, ср., например, *старая се*, *подразывам*, *опровергавам*, *ужас*, *небрежен*. Процесс этот сложен; здесь следует принять во внимание и роль церковнославянских религиозных текстов, широко известных у нас в то время, а также и ряд других обстоятельств.)

Влияние русского языка советской эпохи, которое рассматривается в настоящей

* «Български език», год. VII, кн. 5, София, 1957, стр. 452—455.

¹ Ср. Б. Цонев, «Взаимности между български и руски. В памет на проф. А. К. Медведев», «Руско-български сборник», София, 1922, стр. 35—51, а также в «История на български език», т. II (посм. изд.), София, 1934, стр. 338—353; Л. Андрейчин, «Ролита на руски език в развитието на съвременния български книжовен език», «Български език», П (1925), стр. 173—182.

² Ср. Н. Геров, «Извод от физика», Бялград, 1847.

заметке, изучено еще слабо¹. Мы не ратуем здесь за излишние русизмы, которые проникают в речь некоторой части нашей интеллигенции и неоправданно занимают место уже существующих в языке собственных слов и выражений. Вместе с тем следует сказать, что русское влияние — явление естественное и положительное в жизни нашего языка. Оно определяется двумя основными факторами: большой лексической близостью двух братских языков (значительно возросшей в результате упоминутых сложных процессов взаимодействия в литературной жизни обоих народов в далеком и недавнем прошлом) и общей системой понятий, связанных с экономической, политической и культурной жизнью социалистического общества.

И в прошлом европейские языки в связи с общими процессами общественного и культурного развития европейских народов постоянно переживали различные процессы взаимодействия, которые привели к значительной общности в терминологии и в некоторой части фразеологии. Помимо общей международной терминологии греческо-латинского, а отчасти и французского, английского, итальянского и немецкого происхождения, при образовании терминов и фразеологических сочетаний постоянно использовался также метод калькирования, чем в особенности достигался параллелизм между теми или другими языками (и в значительной степени между всеми культурными европейскими языками) в области лексико-фразеологического материала. Обычно влияние оказывает язык того народа, который раньше других разработал систему лексико-фразеологических средств в данной области общественной жизни и культуры. В настоящее время ведущая роль СССР в построении социалистического общества и мировое значение современной советской культуры создают условия для такого рода влияния русского языка не только на языки социалистических стран, но и на многие другие языки.

Значительная лексическая близость между русским и болгарским языками позволяет употреблять в обоих языках одни и те же слова и термины для обозначения очень многих понятий (имеются в виду и словосочетания, играющие роль терминов), связанных с социалистической общественной и культурной жизнью, как, например, *народен съвет, съветски, колективизм, колективен метод, петилетка, държавен контрол, съвещание, обсъждане, производствено съвещание, обмяна на опит, комунистическо възпитание, партиец, партийно-масов, централен комитет, критика и самокритика, митинг, ударник, отличник, бригадир, пионер, кадри, субективен и обективен фактор, трактор, тракторист, комбайн, комбайнер, екскаватор, машинно-тракторна станция, агротехника, снеговадържане, ползащитни поски, трудовен, лауреат, народен артист, заслужил артист, герой на социалистическия труд* и мн. др. Разумеется, большая часть этих слов и раньше не была чужда нашему языку (некоторые из них славянского происхождения, некоторые сейчас употребляются и в другом значении), но важно отметить то, что в настоящее время они стали гораздо более актуальными и широко употребляемыми, а в этом смысле и характерными для нашего современного языка.

Обычно термины оформляются в соответствии с особенностями болгарской фонетики, морфологии и словообразования, например *съвещание* (русс. *совещание*, произносится с долгим мягким *ш*), *обсъждане* (русс. *обсуждение*), *снеговадържане* (русс. *снегосадержание*), *свиневъд* (русс. *свиновод*), *обмяна на опит* (русс. *обмен опытом*) и т. п. Отдельные термины сохраняют некоторые русские особенности структуры, например *петилетка* (русс. *пятилетка*) и под.

Если русские термины содержат нехарактерные для болгарского языка основы или суффиксы, то термин, созданный на болгарском материале, чаще всего бывает переведен или калькирован с русского (часто с сохранением суффикса): *гетгодишен план* (русс. *пятилетний план*), *кращец екскаватор* (русс. *шагающий экскаватор*), *тежкотоварник* (русс. *тяжеловесник*), *разглобка* (русс. *разборка*), *трудосмен* (русс. *трудоёмкий*), *червена армия* (русс. *красная армия*) и др. Таким образом, общность между двумя языками сказывается и на внутренней форме значительного числа терминов. В некоторых случаях предпочитается более свободное отношение к русскому термину-образцу: так, например, не следует употреблять ни русский термин «агрукса» (преподаватели), ни буквальный его перевод (кальку) «натовареност»; это понятие лучше выразить по-болгарски посредством более нам близкого по внутренней форме слова *заетост*.

Характерным явлением, находящимся в связи с рассматриваемыми процессами, является распространение какого-либо типичного для русского языка суффикса на болгарской почве в сфере технической терминологии; например, суффикс *-ник*, помимо слов типа *монтаженник, ремонтник, такеданник* и др., заимствованных из русского языка, встречается и в образованных на болгарской почве словах типа *очистник,*

¹ Вопрос этот отчасти затрагивается в следующих статьях: Р. Мутафчиев и К. Анкова, *Промени в лексиката на български език след 9 септември*, «Език и литература», V (1949—1950), кн. 2, стр. 127—136; Ив. Лекков, *Новият производствен и общественополитически живот и речникът на българския език*, «Език и литература», VIII (1953), кн. 5, стр. 311—317; М. Москв. Новага производствена и обществено-публицистична лексика, «Български език», VII (1957), кн. 2, стр. 130—142.

тежкооварник, стохляндник, придружник и др. Этот суффикс употребляется и в нашем языке, но распространение его в указанных случаях следует объяснить скорее русским влиянием. Значительно распространен в современной технической терминологии и суффикс *-чик*, соответствующий не только русскому *-чик*, но и *-чик* (в упрощенном на болгарской почве фонетическом виде): *азотчик, аппаратчик, браковщик, вальцовщик, генераторчик, нормировщик, облицовщик, протодчик* и пр. Суффикс этот ощущается как чуждый в болгарском языке, в связи с чем встречаются и попытки его замены другим: *полнровач, разройвач, формувач* вместо *полнровщик, разройщик, формовщик*. Эти попытки следовало бы умножить. В меньшем количестве встречаются слова и с русскими суффиксами *-ка, -овка* и др.: *очистка, поправка, задвижка, уравниловка, бонитировка* и др. (см. в указанной статье М. Москова). С другой стороны, как об этом ясно говорит богатый материал в статье М. Москова, в области технической терминологии в значительной мере развиваются и словообразовательные процессы на нашей традиционной основе с широким использованием таких болгарских суффиксов, как *-ач, -ар, -тел, -не* и иноязычных *-ист, -джия*. Это особенно относится к случаям, когда термин возникает на нашей почве или русский термин калькируется более свободно.

Из русского языка советской эпохи к нам пришел новый словообразовательный способ — образование новых слов путем механического слияния элементов (начальных звуков, букв и слогов) слов, которые образуют описательные названия каких-либо основных и часто встречающихся на практике понятий, например *СССР, КПСС, БКП, ЦК, ТКЗС, БАН, ВУЗ, ДИП, ДОСО, диамат, селкооп, нармаг, стенистник, стенист, политбюро, полтприветна, профреанизация, проферуна, профтоговорник, райсвет, сенекур* и др.

Революционное переустройство жизни в СССР и других социалистических странах создает много новых общественных институтов, в результате чего возникает множество характерных новых понятий, которые получают пространные описательные названия. Зачастую эти названия неудобны для практического использования, и жизнь требует, чтобы от них были образованы механическим путем письменные и устные сокращения, которые технически для ряда случаев достаточно удобны и фактически обогащают язык, не умаляя при этом значения основных словообразовательных средств. Несмотря на то, что наблюдается ясная тенденция ограничивать рост этого типа сложносокращенных слов, их существование все же свидетельствует об определенной особенности нашей современной лексики и сходном ее развитии с современной русской лексикой.

Целью данной заметки было поставить в общих чертах вопрос о роли русского языка советской эпохи в развитии нашего современного языка. В этом направлении следует обстоятельно и углубленно работать.

Перевела с болгарского

О. А. Лантеева

РЕФЕРАТЫ

В № 1 за 1958 г. журнала «New age», органа индийской коммунистической партии, помещена статья секретаря ЦК Коммунистической партии Индии А. Гхош о ш а, освещающая позицию Коммунистической партии Индии в вопросах языковой политики (см. A. Ghosh, Language policy, «New age», vol. VII, № 1, [New Delhi], 1958, стр. 8—16). С размахом национального движения в Индии, отмечает А. Гхош, в области языка возникли две дополняющие друг друга тенденции. Одна из них была связана с ростом популярности хинди, который воспринимался как язык, противопоставленный языку английского империализма, и являлся мощным средством в объединении Индии, свидетельством растущего самосознания индийского народа. На хинди говорят широкие слои индийского населения, еще более широкие слои понимают его. В то же время наряду с распространением хинди начался расцвет местных языков — бенгальского, маратхи, тамильского, малайяльского, телугу и др.

С проникновением национально-освободительного движения в самую толщу индийского народа стало с очевидностью обнаруживаться огромное разнообразие страны и ее культуры. Все громче стало звучать требование образования на родном языке, требование, чтобы родным языком пользовалась администрация, местная пресса, юридические учреждения и т. п. Однако в последующие десятилетия, и в особенности после освобождения, установившееся здоровое соотношение между хинди, как общим посредником, и местными языками, стремящимися к своему полному развитию, было нарушено. Обнаружилось стремление к максимальному развитию хинди в ущерб другим языкам Индии.